

Лия
МАЛИНИНА

БЫВШИЕ

Тайная дочь магната

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лия Малинина

Бывшие. Тайная дочь магната

<https://litres.ru/74516184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Верейский стоял прямо передо нами, тяжело дыша. Видимо, бежал, несмотря на свое ранение.

Я видела, как его глаза расширились. Он перевел взгляд с меня на нашу дочь, и на его лице отразился такой шок, будто ему на голову обрушилось стеклянное здание его собственного завода.

— Марина... — выдохнул он. — Я ничего не понимаю Это?

Он протянул руку, словно хотел коснуться Ксюши, но я сделала резкий шаг вперед, загораживая дочь. Адреналин бурлил в крови, страх и гнев затуманили разум.

— Стоять, — сказала я ледяным тоном, каким никогда не разговаривала с Ксюшей. — Ты не имеешь права со мной разговаривать, Арсений. Не смей смотреть на мою дочь! Иди, лечи свои раны, спасай свой завод. Нас для тебя не существует! Это понятно?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Дорогие читатели!	37
Пришло время поближе познакомиться с главными героями нашей истории	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лия Малинина Бывшие. Тайная дочь магната

Глава 1

Марина

— Доченька, просыпайся, солнышко, — я зацеловывала белокурую макушку своей доченьки, которая никак не хотела вставать с кровати.

— Да, мамочка, — пропищала Ксюша, кутаясь в одеяло, — еще минуточку.

— Дорогая, ты не забыла? — я пощекотала торчащую пятточку. — Сегодня первое сентября, мы идем в школу.

— Конечно же не забыла! — дочь мгновенно села на кровати и посмотрела на меня своими огромными глазами. — А мы не опоздаем? — она спрыгнула с кровати и скрылась в ванной.

И с этой минуты мой день закрутился, как на аттракционе в парке. Завтрак, косички, банты, цветы.

Это утро выдалось суматошным, тревожным и до жути

прекрасным.

Ксюша — моя маленькая, хрупкая, но невероятно упрямая девочка, стояла посреди комнаты в новой школьной форме.

Темно-синий пиджак, белая рубашка, аккуратный галстук. В руках она держала в руках огромный, почти с нее ростом, букет гладиолусов.

Ксюша вертелась перед зеркалом, поправляя бантики, и я в который раз поймала себя на мысли, как же она хороша.

Светлые волосы было единственное, что досталось ей от меня, во всем остальном она была полной копией своего отца. Арсения Верейского. Моего бывшего босса. Бабника, предателя, ловеласа и... Моей любви.

Восемь лет. Целых восемь лет прошло с того дня, когда я последний раз видела Арсения. И за восемь лет я впервые произнесла его имя. Потому что я запретила себе это делать.

За эти годы я привыкла жить одна, тащить на себе и работу в дизайн-студии, и дом, и эту маленькую копию его самого.

Ксения была моей величайшей радостью и моим самым тяжелым крестом.

Она росла и с каждым годом в ней все явственнее проступали отцовские черты: упрямый разрез голубых глаз, манера хмурить брови, когда она была чем-то недовольна.

— Мам, а папа меня увидит? — спросила она вдруг, когда я застегивала ей рюкзак.

Я вздрогнула, чуть не порвав молнию. Сердце кольнуло привычной, застарелой болью.

— Ксюш, папа... он далеко, — соврала я привычно. Голос мой звучал ровно, но внутри все сжалось в тугой комок. — Но сегодня твой день. Ты там будешь самой красивой первоклассницей.

Я наклонилась и поцеловала ее в макушку, вдыхая родной запах детского шампуня. Мы вышли из дома, и город встретил нас предпраздничной суетой.

Школа находилась в центре, рядом с площадью, откуда был виден мой офис, а за ним, через три квартала, возвышался огромный, сверкающий стеклянными гранями завод «Вере́йский Стекло».

В последние недели о нем только и говорили. Город гудел слухами: там будто бы случился какой-то крупный скандал, ночью что-то взорвалось или разбилось — полиция наведывалась, а хозяин завода, тот самый Вере́йский, срочно прилетел из столицы разбираться.

И даже, поговаривали, на него напали, ранили, и теперь он застрял здесь на некоторое время, пока все не утрясется.

Но я старалась не думать об этом. Мне было плевать и на Вере́йского, и на его завод. Я вела Ксению за руку, и в душе моей боролись гордость и дикий, животный страх.

Она пошла в первый класс. Она становилась самостоятельной. А я боялась, что моя ложь однажды вскроется.

Школьный двор был заставлен автомобилями. Дети в на-

рядных костюмах, родители с камерами, учителя в строгих нарядах. Звучала музыка и в воздухе витал запах осенних листьев и духов.

Нас встретила Анна Ивановна, первая учительница дочери, которая ждала своих учеников с табличкой 1 “А”.

Наконец началась линейка. Сначала выступила директор, потом завуч, с пожеланием успехов первоклассникам, а потом ведущий объявил:

— А теперь слово предоставляется нашему почетному гостю! Спонсору нашей школы, генеральному директору завода «Вере́йский Стекло» — Арсению Вере́йскому!

Все пространство вокруг разразилось громом аплодисментов, а мое сердце остановилось. Кровь прилила к щекам, а затем отхлынула, оставляя кожу ледяной.

Нет. Нет, нет, нет.

Я подняла голову. На сцене, рядом с директором, стоял он. Арсений. Прошло восемь лет, и он ни капли не изменился. Разве что стал старше, суровее, да седина в волосах появилась.

Тот же гордый разворот плеч, та же идеальная осанка. Но боже, он выглядел уставшим. Под его глазами залегли темные тени, левая рука была неестественно прижата к боку. Значит, слухи о покушении были правдой.

Господи, столько лет прошло, а мне больно от мысли, что кто-то мог навредить ему.

Вере́йский начал говорить. Я не слышала ни слова. Хотя

вокруг и воцарилась тишина, в моих ушах стоял звон. Смотрела на него. не отрывая глаз, и видела прошлое.

Нашу сумасшедшую любовь, его обещания, общие планы, а потом... Потом вскрылась вся правда о нем. И я исчезла. Уехала на три года в Подмоскovie к своей тете и постаралась забыть эту историю.

Вдруг он запнулся. Я почувствовала это за мгновение до того, как он начал всматриваться в толпу. Его взгляд метался по лицам, пока не остановился на мне.

Я смотрела прямо на него. Наши взгляды встретились.

Восемь лет. Идиотское, глупое время. В моей груди словно разорвалась граната. Мир покачнулся, перед глазами все поплыло, картинка раздвоилась и я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Господи, нет. Только не это.

Директор объявил первый звонок, зазвенел колокольчик, толпа взорвалась криками и цветами. Началась суeta: дети отправились в здание школы на первый урок.

А я, действуя на чистом инстинкте, подбежала к дочери, схватила ее за руку и потащила подальше от сцены, в обход толпы, в сторону школьных ворот.

— Мама, мы не туда идем! Мне нужно в класс! — возмущалась Ксюша и упиралась ногами.

— Сейчас, милая, подожди, мы просто отойдем на минутку, — прошептала я пересохшими губами.

Я не могла дышать. Я тащила за руку дочь и чувствовала

ла, как его взгляд прожигает мне спину. Мне нужно было бежать. Спрятаться. Исчезнуть, пока он не подошел.

Я хотела повернуть за угол старого корпуса, чтобы скрыться в переулке и взять такси.

Но едва я вышла на пустынную дорожку, ведущую ко второму выходу с территории школы, как передо мной неожиданно выросла высокая, черная фигура.

Арсений.

Глава 2

Марина

Он стоял прямо перед нами, тяжело дыша. Видимо, бежал, несмотря на свое ранение.

Я видела, как его голубые глаза, точно такие же, как у Ксении, которая с любопытством таращилась на него, расширились. Он перевел взгляд с меня на нашу дочь, и на его лице отразился такой шок, будто ему на голову обрушилось стеклянное здание его собственного завода.

— Марина... — выдохнул он. В голосе не было злобы, только хриплое, почти болезненное удивление. — Я думал, мне показалось. Я ничего не понимаю... Это?

Он протянул руку, словно хотел коснуться Ксюши, но я сделала резкий шаг вперед, загораживая дочь. Адреналин бурлил в крови, страх и гнев затуманили разум.

— Стоять, — сказала я ледяным тоном, каким никогда не разговаривала с Ксюшей. — Ты не имеешь права со мной разговаривать, Арсений. Не смей смотреть на мою дочь! Иди, лечи свои раны, спасай свой завод. Нас для тебя не существует! Это понятно?

Но он будто не слышал меня. Сделал шаг в сторону, чтобы лучше видеть Ксюшу и внимательно не нее посмотрел. А потом протянул правую руку и тихо сказал:

— Привет, я Арсений, давай знакомиться.

— Ксюша, — моя дочь доверчиво вложила свою маленькую ручку в его большую ладонь, — Ксения Климова, — тут же по-взрослому добавила она.

— Ксения Климова, — с улыбкой проговорил Верейский, — а вам разве не пора на урок?

— Да, — тут же воскликнула она, — только вот мама...

— Идем, быстро, — проговорила я, — тебя наверняка потеряли.

Я всем видом пыталась изобразить равнодушие, и еще больше мне не хотелось, чтобы Арсений понял, что я хотела сбежать, вместе с дочерью.

Ксюша так и не выпустила его руку из своей и они шли вдвоем, что-то оживленно обсуждая, а я отстала от них на пару шагов, смотрела и думала: “Вот как должно было быть. Отец и дочь идут вместе, рука об руку. Так бы было, если бы Верейский не извальял меня в грязи и не опозорил”.

Мы вошли в школу и подошли к Ксюшину классу, в котором стоял радостный гомон детских голосов.

— Беги, дорогая, — я поцеловала дочь в щеку, — заберу тебя через два часа.

— Хорошо, мамочка, — пропела Ксения и перевела взгляд на Верейского, — до свидания, — быстро проговорила она и скрылась в классе.

После того, как дверь за дочерью закрылась мы с Арсением молча стояли рядом пару минут и смотрели на дверное

полотно с надписью 1 “А”.

— Марина, нам нужно поговорить, — наконец сказал он, переводя на меня тяжелый взгляд.

— Не о чем нам с тобой разговаривать, — выплюнула я и развернувшись на каблуках, сделала несколько шагов по школьному коридору.

— А мне кажется очень даже есть, — холодно проговорил он, в два шага поравнявшись со мной и ухватив за локоть.

Я повернула голову и встретила с его тяжелым взглядом, который не предвещал мне ничего хорошего.

А чего он хотел? Чтобы после всего, что он мне устроил, я огорошила его новостью о своей неожиданной беременности, тем самым унизив себя еще больше?

Да никогда! Я себя, простите, не на помойке нашла, чтобы преклоняться перед этим бабником.

— Ты же понимаешь, что я просто так не уйду, — тем временем продолжил Верейский, все еще держа меня за руку.

— Кофейня “Калипсо” на Лесной, — выдохнула я, — через тридцать минут, — вырвала руку из его захвата и быстрым шагом направилась на выход из школы.

Звук моих шагов эхом разносился по тихому коридору, а в голове звенела какофония диких звуков, будто сотни моих тараканов били в барабаны, каждый на свой манер и соревновались, кто громче.

Я почти бегом добралась до машины, села за руль, откинула голову на подголовник, закрыла глаза и выдохнула.

— Так, а теперь спокойно, — пробормотала сама себе, пытаясь привести себя в чувство.

Я прекрасно понимала, что как раньше уже не будет. Он все прекрасно понял и не оставит меня в покое, это не в его характере.

Девиз Арсения по жизни: “Вижу цель, не вижу препятствий”. Так было в бизнесе, так случилось в наших отношениях, когда он добивался моего внимания, так будет и теперь, когда он узнал о том, что у него есть дочь.

Я должна ему все объяснить, должна расставить границы и дать понять, что нам от него ничего не нужно.

“А если он захочет ее забрать?”, — внезапно выстрелила в моей голове мысль, которую я тут же попыталась от себя отогнать.

Нет, Верейский не посмеет, он на это не способен, по крайней мере, я очень на это надеялась.

Медленно открыла глаза, тряхнула головой и завела машину. Пока ехала к кофейне, мысленно выстраивала диалог с Верейским. Главное — быть решительной и непоколебимой. Я, в конце концов, ни в чем перед ним не виновата... Почти.

Когда я вошла в светлое просторное помещение кафе, Арсений уже ждал меня за столиком у окна.

Я подошла и молча села напротив него, сложив на столе руки в замок и вздернув подбородок.

Тут же, будто из ниоткуда, материализовался официант,

поставил перед нами две чашки дымящегося кофе и шоколадный торт с малиной. Мой любимый.

Он помнил! Восемь лет прошло, а этот гад не забыл, что больше всего на свете я люблю этот десерт.

Осознание этого факта так долбануло по мне, что я потеряла весь свой боевой запал.

— Почему ты мне ничего не сказала? — без приветствий и предисловий, задал он мне вопрос.

Глава 3

Марина

Я медленно взяла чашку в руки и сделала небольшой глоток горячего кофе.

— А о чем я должна была тебе сказать? — переспросила я, презрительно изогнув бровь. Я говорила твердо, но чувствовала, как дрожит мой голос. — Я не посчитала нужным раскрывать тебе подробности своей личной жизни, особенно после того, что ты сделал. Такой ответ устроит?

Он дернулся, словно я ударила его по лицу и откинулся на спинку стула. В его глазах горел огонь, который я очень хорошо помнила. Он привык побеждать. Привык получать все, что захочет. И теперь он хотел мою дочь.

— Тебе не кажется, что ты не имела права скрывать от меня моего ребенка? — спросил он, вновь подаваясь вперед. Голос его стал низким, почти угрожающим.

Я поставила чашку на стол и сделала глубокий вдох. Чувствовала, как внутри меня закипает злость, которая помогала мне подниматься каждое утро, когда я смотрела на Ксюшу и понимала, что должна быть сильной ради нее.

— Знаешь что, Верейский? — сказала я резко. — Владелец заводов, газет, пароходов! Ты не имеешь никакого права

появляться спустя восемь лет и качать права, понял? Никакого!

— У меня есть дочь! — он ударил кулаком по столу и чашки жалобно звякнули. В кафе повисла гробовая тишина. Все вокруг замерли, уставившись на нас.

Я поднялась на ноги. Медленно, демонстративно, чувствуя, как дрожат пальцы, которые я сжала в кулаки, чтобы он не заметил моей слабости.

— А ты имел право врать мне? — выплюнула я, нависая над ним. Голос сорвался на крик, и я позволила себе этот крик. Позволила всей боли, которую копила годами, вырваться наружу. — Ты имел право смотреть мне в глаза, клясться в вечной любви, строить со мной планы на будущее, делать вид, что я — твой мир, а сам за моей спиной жил совсем другой жизнью?!

— Марина, я... — начал он, но я не дала ему договорить.

— Молчи! — я стукнула ладонью по столу, и тарелка с тортом подпрыгнула. — Я ушла тогда, потому что поняла: ты всегда врал мне. Все, что ты говорил, все, что обещал — это была ложь! Я для тебя была просто игрушкой, развлечением, а ты притворялся, будто любишь и прекрасно проводил время! Ты выставил меня шлюхой перед всеми! Ты опозорил меня! И после этого ты что-то требуешь?!

Я видела, как в его глазах мелькнула тень. Боль? Раскаяние? Или просто страх потерять контроль? Я не знала, и мне было плевать.

— Ты даже не попытался меня вернуть, — продолжила я, чувствуя, как слезы подступают к глазам, но я моргнула несколько раз, не позволяя им пролиться. — Ты не приехал, не позвонил, не спросил, жива ли я вообще. Я уехала в Подмосковье к тете, и ты даже не удосужился узнать, где я! Тебе было плевать, Арсений! Плевать!

Он молчал. Смотрел на меня снизу вверх, и в его взгляде смешались тысячи эмоций. Но я не верила им. Я больше никогда не поверю его глазам.

— А теперь ты пришел и смеешь спрашивать, почему я ничего тебе не сказала? — усмехнулась я горько. — Ты даже не знал, что я ношу твоего ребенка! Ты не знал, потому что тебе было насрать на меня! Ты не искал меня, не пытался извиниться, не интересовался моей жизнью!

— Не правда, — тихо сказал он, — я искал тебя, но...

— Заткнись, Верейский! Просто заткнись!

Я схватила сумку и закинула на плечо.

— Не смей, слышишь, не смей предъявлять мне права на Ксюшу, — сказала я, и мой голос снова стал ледяным. — Ты потерял это право, когда солгал мне. Когда предал меня.

Резко развернулась и почти выбежала из кафе, чувствуя, как его взгляд прожигает мне спину.

Влетела на улицу, и осенний ветер ударил мне в лицо. Холодный, колющий, отрезвляющий.

Быстро села в машину, завела мотор и поехала обратно к школе. Скоро заканчивается урок, мне надо забрать дочь и

сделать все, чтобы она не догадалась о том, что сегодня наша жизнь изменилась навсегда.

Заехав на парковку, взяла бутылку воды, сделала несколько жадных глотков и откинулась на спинку сиденья. Закрывает глаза, и прошлое нахлынуло на меня, как волна от мощного цунами.

...Мы познакомились восемь лет назад. Я только что пришла работать на его завод, молодой дизайнер, полная надежд. Он был старше, опытнее.

Впервые мы столкнулись в коридоре. Я несла макеты, споткнулась, рассыпала их. Арсений помог поднять, улыбнулся, представился.

И начал ухаживать. Осторожно, ненавязчиво, но так, что я не могла устоять. Цветы, записки с комплиментами, долгие разговоры по вечерам.

Я верила ему. Каждому слову, каждому обещанию. Я верила, что он меня любит, что у нас есть будущее.

А потом ... Потом все закончилось. Грязно и некрасиво. Резко открыла глаза и взглянула на часы. Пора. Урок окончен. Я провела ладонями по лицу, прогоняя воспоминания.

— Я не дам тебе снова разрушить мою жизнь, — сказала я, но в голосе не было уверенности.

Внутри меня поселились холодный, липкий страх. Арсений не из тех, кто отступает. И если он убедится, что Ксюша — его дочь, он начнет бороться за нее.

А что, если он отберет мою девочку?

— Нет. Этого не будет. Я не позволю.

Я вышла из машины и направилась к школьному крыльцу. Внутри меня бушевал ураган, но на лице я сохраняла маску спокойствия. Я должна была быть сильной. Ради Ксюши.

Когда я подошла к дверям, я увидела его. Арсений стоял на крыльце, прислонившись к столбу, и смотрел на меня. Он выглядел уставшим, немного бледным, но решительным.

— Марина, — позвал он, когда я приблизилась. — Пожалуйста, дай мне пять минут.

Глава 4

Арсений

Этот город, словно заколдованный для меня. Стоит мне здесь появиться, так что-то в моей жизни происходит. Я уже тысячу раз пожалел, что купил этот долбаный завод.

Восемь лет назад мне показалось гениальной идеей сделать производство полного цикла. Не только прохладительные напитки производить, но и свою тару под них. Надежно, солидно, дорого.

Я тогда был на подъеме, амбиции зашкаливали, и я решил, что мне по силам завоевать этот рынок.

Купил старый завод, вложил в него кучу денег, перестроил, модернизировал. И приехал сюда, чтобы лично контролировать процесс.

И вот тогда я встретил Марину.

Я помнил этот день до мельчайших подробностей. Коридор, стопка с эскизами, которая летит на пол, и она, чертыхаясь, собирает бумаги. Я остановился, посмотрел на нее и... пропал.

Как пацан, честное слово. Тридцать три года, куча женщин за плечами, а я стоял и смотрел на эту светловолосую девчонку с огромными глазами и чувствовал, как сердце в груди совершает кульбит.

— Аккуратнее, — сказал я тогда, глядя на нее сверху вниз.

Она подняла голову, и я утонул в ее взгляде. Наивная, светлая, чистая. Я тогда подумал: "Господи, какая же она красивая". И захотел ее. Не просто переспать, не просто развлечься. А по-настоящему. Себе. Всерьез и надолго.

Так, что забыл обо всем на свете. О работе, о планах, о проблемах, о своем дурацком прошлом. Мне казалось, что я встретил ту самую, единственную. И поверил, что счастье наконец возможно и для меня.

— Арсений, — представился я, протягивая руку. — А вы, должно быть, наш новый талант.

— Марина, — ответила она. — Марина Климова.

— Марина, — повторил я, пробуя ее имя на вкус. — Прекрасное имя. Зайдите ко мне в кабинет через час, хочу обсудить пару проектов.

Она кивнула и я ушел, чувствуя, как внутри разгорается что-то новое, незнакомое такому цинику, как я, чувство.

Я долго ухаживал за ней. Цветы, записки, долгие разговоры. Она стала моим наваждением, моей слабостью.

Она отдавалась мне с такой страстью и такой любовью, что я чувствовал себя самым счастливым засранцем на этой планете.

Но жестко облажался в главном. Я не сказал Марине правду о себе. Думал, что когда все решу, тогда и расскажу ей, но судьба распорядилась иначе.

В один из дней мне пришла от нее смс. Несколько слов, которые обрушили мир на мою голову. Марина писала, что я ею играл, что использовал ее, что я подлец, предатель и она не хочет больше никогда в своей жизни видеть меня.

Перечитывал это сообщение, наверное, сотню раз, и каждое слово, словно резало по живому.

Я пытался ее найти, службу охраны на уши поставил. Но она уволилась, выбросила сим-карту, уехала из города и никто не имел никакого понятия, куда.

Метался тогда по своему кабинету, как тигр в клетке, теряя себя последними словами за трусость и малодушие. Соломки решил подстелить, разрулить сначала все проблемы, а потом раскрыть карты перед ней.

— Дурак ты, Верецкий, — говорил я себе. — Не смог объяснить ей все. Не хватило смелости, теперь получай.

Через какое-то время решил, что наверное, так тому и быть. Не для меня все эти истории любви со счастливым концом.

А потом жизнь закрутила меня по полной. Новые проекты, новые города, новые люди. Я стал жестче, циничнее.

В моей жизни было много мимолетных романов, но ни одна не смогла заполнить ту пустоту, которую оставила Марина.

За эти годы я пару раз приезжал сюда по делам завода, но не больше, чем на день. Старался нигде не задерживаться, чтобы не рвать сердце воспоминаниями. Здесь все напоми-

нало о ней, а я не мог позволить себе эту слабость.

Но, как говорится, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Два месяца назад на заводе произошел взрыв. Один из цехов сильно пострадал, и я прилетел, чтобы разобраться. В один из вечеров я возвращался в гостиницу, отпустил охрану, решил пройтись и подумать, кому выгодно устраивать мне такие подлянки. И тогда это случилось.

Боковым зрением увидел мелькнувшую за спиной тень и почувствовал, как кто-то схватил меня сзади. Я попытался вырваться, но почувствовал резкую боль в боку и как что-то теплое стало заливать мою рубашку и брюки.

— Тебе привет передали, — прошипел мне в ухо голос.

Я упал на колени, хватая ртом воздух. Нападавший скрылся в темноте, а меня поглотила темнота.

Очнулся уже в больнице. Белые стены, капельница, тупая боль в боку. Рядом с кроватью сидела молодая доктор и внимательно смотрела на меня

— Где я? — спросил я хрипло, пытаясь приподняться.

— В больнице, — ответила она, наклоняясь ко мне. — Все хорошо, опасность миновала. Отдыхайте, не разговаривайте.

Я закрыл глаза и снова отключился.

Из-за ранения и расследования мне пришлось задержаться в этом городе дольше, чем я планировал. А потом в палату пришел мой помощник Денис.

— Арсений Вячеславович, — сказал он, садясь на стул.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, — ответил я. — Что там с заводом?

— Все под контролем, — ответил он. — Восстановление идет по плану, но я к вам по другому вопросу.

— Какому?

— Завтра первое сентября, — начал он. — Вам стоило бы выступить в школе, которую мы спонсируем. Это поднимет репутацию компании.

— Ты серьезно? — спросил я скептически. — Я еще толком не очухался, а ты предлагаешь мне выступать перед детьми?

— Это хороший пиар, — настаивал он. — К тому же, там будет мэр, представители городской администрации. Вы должны показать, что вы не просто бизнесмен, а человек, который вкладывается в будущее этого города. Ну и что вас не сломило покушение, — добавил он с хитрой улыбкой.

— Меня волнует будущее этого города, — проворчал я. — Но я не люблю публичные выступления.

— Всего десять минут, — улыбнулся Денис. — Скажете пару слов, и ваша совесть чиста.

— Ладно, — выдохнул я. — Уговорил. Но если я буду выглядеть идиотом, ты уволен.

— Договорились, — рассмеялся он.

И вот я стоял на школьной линейке, смотрел на нарядных детей, на взволнованных родителей и где-то в глубине души резанула мысль: “А ведь и у меня мог быть ребенок, которого

бы я, также волнуясь, провожал бы в школу”. Перевел взгляд дальше по толпе и вдруг увидел ее. Марину.

Глава 5

Марина

Он стоял на крыльце, прислонившись к колонне, и в его глазах плескалась такая буря чувств и эмоций, что у меня на миг перехватило дыхание.

— Марина, дай мне пять минут, — повторил он, и в его голосе не было привычного приказного тона. Только тихая, почти умоляющая просьба.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня все сжимается в тугой узел. За моей спиной из школы доносился детский гомон, смех, топот маленьких ног.

Там была Ксюша. Моя Ксюша. И этот человек, стоящий передо мной, пару часов назад понял, что она его кровь.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь унять дрожь в коленях.

— Ты ведь не отстанешь от нас? — спросила я тихо, почти шепотом. Вопрос прозвучал глупо, даже жалко. Я прекрасно знала ответ.

Он покачал головой. Медленно, но с такой уверенностью во взгляде, что мне стало страшно.

— Хорошо, — выдавила я, чувствуя, как слова царапают горло. — Завтра в десять в моем офисе. Бизнес-центр «Ладога», офис 505.

Я назвала адрес и тут же пожалела об этом. Зачем? Зачем

я согласилась? Но я понимала: если не дать ему эту встречу, он найдет другой способ увидеться. Арсений всегда умел добиваться своего.

— Спасибо, — тихо сказал он, и в этом «спасибо» было столько боли, что я на мгновение забыла, как дышать.

Он сделал шаг вперед, и я инстинктивно дернулась, но он лишь легко коснулся моей руки. Тепло его пальцев обожгло кожу, и я почувствовала, как по позвоночнику пробежала предательская дрожь.

А потом он развернулся и ушел. Быстро, почти бегом, словно боялся, что я передумаю.

Я осталась стоять на крыльце, глядя ему вслед. Восемь лет. Восемь лет я выстраивала свою жизнь заново, училась не думать о нем, не вспоминать его голос, его глаза, его прикосновения. И один момент все разрушил.

Сердце колотилось где-то в горле. Я провела ладонью по волосам, поправляя прическу, которую растрепал ветер, и заставила себя войти в школу.

Ксюша выбежала из класса счастливая, покрасневшая, с огромным бантом, съехавшим набок. Она обняла меня так крепко, как только могла, и затараторила без остановки.

— Мамочка, у нас такая классная учительница! Ее зовут Елена Петровна, и она разрешила нам рисовать! А еще у меня новая подруга, ее зовут Даша, мы сидим за одной партой, и она дала мне попробовать свой бутерброд! А на перемене мы играли в догонялки, и я чуть не упала, но Коля меня

поймал!

Она тараторила без остановки, а я лишь улыбалась и кивала, ведя ее за руку к машине. Я слушала ее щебет и пыталась прогнать из головы образ Арсения, стоящего на крыльце. Не получалось.

Домой мы ехали молча — я боялась, что голос меня выдаст, а Ксюша просто устала. Но уже вечером, когда я укладывала ее спать, она вдруг приподнялась на локте и посмотрела на меня своими огромными глазами.

— Мам, а тот дядя, который к нам подходил... Он такой хороший и добрый, правда? — спросила она, и в ее голосе звучала такая искренняя детская вера в чудо, что у меня сжалось сердце.

— Да, Ксюш, — ответила я коротко, поправляя одеяло.

— Мам, а вот бы нам такого папу? Он бы нас защищал, дарил цветы и водил в парк. Правда, было бы здорово?

Я застыла на месте. Слова дочери ударили под дых с такой силой, что я на мгновение потеряла дар речи. Она видела его от силы минут десять и уже решила, что он нам нужен. Вот же действительно, зов крови.

— Ксюшенька, — сказала я как можно мягче, старясь плавно перевести тему, — Уже поздно, пора спать. Завтра в школу, не забыла?

Она вздохнула, что-то пробормотала про то, что «этот дядя лучше, чем никакой папа», и закрыла глаза. Через пару минут ее дыхание стало ровным и она уснула с улыбкой на

губах.

А я еще долго сидела рядом с ее кроваткой, гладила ее по светлым волосам и чувствовала, как в груди разрастается ледяная пустота. Арсений уже начал войну. Не словами, не угрозами. Он просто появился, улыбнулся, и моя дочь уже готова назвать его папой.

Я встала, тихо вышла из комнаты, прикрыла дверь и прислонилась к стене в коридоре. Слезы навернулись на глаза, и я не стала их сдерживать.

Восемь лет я держалась. Восемь лет я была сильной. Но сегодня я дала себе слабину. Только на минуту. Только чтобы выплакать всю ту боль, что копилась годами.

Утром я выглядела так, будто не спала всю ночь. Под глазами залегли темные круги, и я тщательно замаскировала их тональным кремом. Надела строгий черный костюм, собрала волосы в тугий пучок. Я хотела выглядеть гордой и неприступной. Как бизнес-леди, с которой не шутят.

Отвезла Ксюшу в школу, поцеловала в щечку, пожелала хорошего дня и поехала в свой офис. Бизнес-центр «Ладога» находился в самом центре города, и каждое утро я проезжала мимо него, думая о том, как же далеко я зашла с тех пор, как работала дизайнером на заводе Верейского.

Теперь у меня была своя дизайн-студия. Маленькая, но успешная. Пять сотрудников, постоянные клиенты, стабильный доход. Я построила эту жизнь сама. С нуля. Без него. И я была чертовски горда собой.

Ровно в десять я сидела за своим столом, перебирая бумаги, хотя абсолютно ничего не видела и не понимала, что в них. Я ждала. И когда в приемной раздался звонок и секретарь сказала: «Марина Сергеевна, к вам посетитель», мое сердце пропустило удар.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Арсений.

Я была готова к чему угодно: к его натиску, его напору, его холодным расчетливым словам. Но к этому я не была готова.

В руках он держал огромный букет роз. Сортовых, пионовидных, нежно-розовых и кремовых. Таких огромных, что они, казалось, заняли собой весь проем.

Он стоял на пороге, и смотрел на меня так, будто мы не непримиримые оппоненты, а влюбленные, которые случайно встретились после долгой разлуки.

— Я знаю, что ты не любишь красные, — сказал он тихо. — Помню. Эти твои любимые. Пионовидные.

Я опешила, открыла рот, чтобы сказать что-то колкое, язвительное, чтобы осадить его, поставить на место, но слова застряли в горле.

Только он знал, что я сходила с ума от этих цветов, когда мы были вместе. Помню, как-то обмолвилась в разговоре, что в наших магазинах их почти не бывает. И вот он запомнил. И через восемь лет не забыл.

Я растерялась. Весь мой боевой настрой, все заготовленные речи, все щиты, которые я выстроила вокруг своего сердца — они начинали рушиться.

Арсений стоял и ждал. Без своей привычной брони из высокомерия и цинизма. Просто мужчина, который принес цветы женщине, которую когда-то любил. Или делал вид, что любил.

— Присаживайся, — сказала я наконец, указывая на стул напротив. Голос мой прозвучал глухо, и я ненавидела себя за эту слабость. — И убери цветы. Не нужно. Это лишнее. У нас деловая встреча.

Глава 6

Марина

Арсений медленно прошел к столу, аккуратно положил букет на журнальный столик, стоящий у окна, и сел напротив меня.

Он не сводил с меня глаз, и я чувствовала, как его взгляд прожигает меня насквозь, будто он сканирует меня, доставая на свет божий все мои тайны и мысли, которые я так ревностно хранила.

От роз пахло так сладко и так знакомо, что у меня кружилась голова.

— Я хочу, чтобы между нами не осталось недомолвок, — начал он. Голос его звучал ровно, но я видела, как были напряжены его плечи. — После вчерашнего у меня нет никаких сомнений. Ксюша моя дочь. Я знаю это. Чувствую.

Он сделал паузу, словно собираясь с мыслями.

— У меня нет других детей, Марина. Она моя единственная наследница. Ты прекрасно понимаешь, что это значит. И я хочу, чтобы все было официально. Тест ДНК, установление отцовства. Все по закону. Чтобы у нас не было никаких вопросов друг к другу в будущем. И чтобы не у кого не возникло никаких сомнений в ее правах, в случае возникновения непредвиденных ситуаций.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня закипает ярость. Я слышала только одно: наследница. Он хочет забрать мою дочь. Верейский хочет отнять у меня единственное, что у меня есть. Кровь ударила в голову, и я не смогла сдержаться.

— Я не позволю тебе отнять ее у меня! — закричала я, вскочив с места, и хлопнула ладонью по столу. Бумаги подпрыгнули, ручка покатилась на пол, но мне было плевать. — Слышишь?! Я воспитала ее одна! Семь лет я не спала ночами, когда она болела! Работала на износ, чтобы у нее было все, что нужно! Ты не имеешь права!

Голос сорвался, я чувствовала, как слезы подступают к глазам, но я заставила себя смотреть на него. Пусть видит мою боль. Пусть видит, что я не отступлю.

Арсений не шелохнулся. Он сидел неподвижно, смотрел на меня спокойно, и только в глубине его глаз мелькнула тень. Грусть? Понимание? Я не могла разобрать.

— А где в моих словах ты услышала, что я хочу ее у тебя забрать? — спросил он тихо, и его голос прозвучал так ровно, так невозмутимо, что я мгновенно замолчала.

Открыла было рот, чтобы ответить, но слова застряли где-то в горле. Я действительно услышала только то, что боялась услышать. Страх затмил все остальное.

— Я хочу быть рядом с вами, — продолжил он, и его голос стал тверже. В нем появилась стальная нотка, которую я хорошо помнила. Но сейчас она не была угрожающей. — Я

хочу вместе с тобой воспитывать нашу дочь. Участвовать в ее жизни. Быть ей отцом не на словах, а на деле. Ты поняла меня?

Я смотрела на него и чувствовала, как земля уходит у меня из-под ног. Он сказал «вместе с тобой». Он сказал «воспитывать нашу дочь». Он не говорил о том, чтобы забрать ее. Арсений говорил о том, чтобы быть рядом.

Я медленно опустилась на стул, чувствуя, как дрожат колени. Где-то в глубине души теплилась надежда, которую я так старательно давила все эти годы. Но я не могла позволить себе верить ему. Снова.

— Хорошо, — выдохнула я, и голос мой прозвучал почти безжизненно. — Я не буду препятствовать вашим встречам. Но только Ксюшу нужно как-то подготовить к тому, что в ее жизни появился настоящий, а не эфемерный папа. Она должна понять это правильно, без травм. Ты понимаешь, о чем я?

— Согласен, — тихо проговорил он. — Я сделаю так, как ты скажешь. Я не хочу причинять ей боль. Ни ей, ни тебе. Я сделаю все, чтобы она приняла меня. Сколько бы времени это ни заняло.

Мы еще долго говорили. Обсуждали, как лучше преподнести Ксюше эту новость, как часто он сможет видаться с ней, как мы будем выстраивать нашу новую реальность.

Я прекрасно понимала, что наша жизнь больше не будет прежней и мне не оставалось ничего иного, кроме как при-

нять этот факт. Арсений был спокоен, рассудителен, он не давил, не требовал, не угрожал.

И это пугало меня больше всего. Я не доверяла ему. Боялась. Просто панически боялась снова обмануться.

Наконец мы договорились встретиться завтра в парке. Он хотел увидеть Ксюшу не в школе, не на бегу, а спокойно, чтобы у них была возможность поговорить, познакомиться поближе.

— Завтра в одиннадцать, в Центральном парке, — сказала я, записывая время на листке бумаги. — Там есть детская площадка. Приходи, я привезу Ксюшу.

Он кивнул, и в его глазах мелькнула такая искренняя благодарность, что у меня сжалось сердце.

Арсений медленно встал, оперевшись на стол. Я заметила, как он поморщился — видимо, ранение все еще давало о себе знать. Он направился к двери, уже взялся за ручку, но вдруг остановился и обернулся.

— Так все же почему ты тогда оставила эту смс? — спросил он, и в голосе его послышалась боль, которую он так старательно прятал. — Ту, где ты написала, что я предатель и подлец. Что я играл тобой?

Я подняла на него глаза. Восемь лет я носила этот позор, как черную метку. Но теперь, когда он стоял передо мной и смотрел на меня с такой тоской, я поняла, что больше не могу молчать. Хватит. Хватит недомолвок.

Я вздернула голову, чувствуя, как внутри закипает гнев.

— Потому что мне позвонила твоя жена, — проговорила я, глядя ему прямо в глаза. Каждое слово давалось мне с трудом, но я говорила, не отводя взгляда. — Она сказала, что я шлюха, которая влезла в вашу счастливую семью. Что ты никогда не был моим, что я для тебя просто игрушка и развлечение в командировке. Она назвала меня грязной, продажной девкой, которая охотится на чужих мужей.

Верейский вздрогнул. На его скулах ходили желваки, а челюсти сжались так, что я слышала скрип зубов.

Дорогие читатели!

**Пришло время поближе
познакомиться с главными
героями нашей истории**

**Арсений Верейский, 41год, бизнесмен
Владелец холдинга, сосредоточен на бизнесе**

Марина Климова, 30 лет

Дизайнер. Разрабатывает упаковку, логотипы, этикетки

Воспитывает дочь

Ксения Климова, 7 лет
дочь Марины и Арсения, первоклассница

Глава7

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.